

Научная статья

УДК 82-31 + 028.02

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-66-77

Пелевинский интертекст в зеркале читательской рецепции

**Елена Сергеевна Тулушева ¹,
Татьяна Александровна Семенова ²**

^{1,2} Московский университет имени А. С. Грибоедова
Москва, Россия

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

² Пензенский аграрный университет
Пенза, Россия

¹ be-so-happy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>

² semenova.t.a@pgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-3098>

Аннотация

Представлено исследование способности читательской аудитории разгадывать интертекстуальный код позднего романного творчества В. Пелевина. Задействован социологический метод – анкетирование, что позволило определить степень узнаваемости реминисценций в произведениях В. Пелевина. Также использованы интертекстуальный и структурный виды анализа с целью выявить следы чужого слова в постмодернистском тексте и обозначить его связь с сюжетом, пространственно-временной организацией текста, композицией или характеристикой персонажей. Предметом выступает интертекстема в романном творчестве В. Пелевина. Выявлено, что первоисточники пелевинских штудий узнаваемы, так как постмодернист обращается к литературным, культурным, музыкальным клише, архетипам и знаковым цитатам. Пелевинский текст интертекстуально гетерогенен и отличается широкой сетью заимствований, что косвенно свидетельствует об ориентации на широкий круг читателей: разгадывание интертекстеми и обнаружение первоисточника напрямую зависит от культурного бэкграунда реципиента. В статье доказывается, что представленные текстовые отрывки являются именно интертекстемами, т. е. осознанными авторскими заимствованиями, а не случайными совпадениями и интуитивным воплощением национально-культурного кода. Пелевин использует приемы монтажа и синкретизма, отсылая одновременно к множеству первоисточников, соединяя высокое и низкое, создавая тем самым полицитату. Интертекст, выполняя смыслообразующую функцию, не только позволяет дать сжатую характеристику персонажу, хронотопу или ситуации, но и выступает в роли семантического дубликата сюжета и нарративного вектора. Многочисленные отсылки определяют развитие авторского нарратива, давая дополнительную подсказку о дальнейших событиях читателю.

© Тулушева Е. С., Семенова Т. А., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. xx–xx

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 66–77

Предложенный дизайн исследования и применение социологического метода к изучению литературного текста обладают потенциалом для дальнейшего расширения и уточнения наших выводов. Представленные результаты подтверждают интерес читательской аудитории к аллюзивной игре, а не только к пелевинскому сюжету. Свежим и любопытным представляется обозначение функциональной природы пелевинских интертекстов, в том числе определение взаимосвязи интертекста с сюжетом.

Ключевые слова

интертекстуальность, интертекстема, сюжет, постмодернизм, В. Пелевин, читательская рецепция

Для цитирования

Тулушева Е. С., Семенова Т. А. Пелевинский интертекст в зеркале читательской рецепции // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 66–77. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-66-77

Pelevin's Intertext in the Mirror of the Reader's Reception

Elena S. Tulusheva ¹, Tatyana A. Semenova ²

^{1,2} Moscow University named by A. S. Griboedov
Moscow, Russian Federation

¹ National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

² Penza Agrarian University
Penza, Russian Federation

¹ be-so-happy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>

² semenova.t.a@pgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-3098>

Abstract

The article presents a study of the readership ability to unravel the intertextual code of V. Pelevin's late novel work. A sociological method was used – a questionnaire, which made it possible to determine the degree of recognition of reminiscences in the works of V. Pelevin. Intertextual and structural types of analysis are also used in order to identify traces of someone else's word in a postmodern text and to indicate its connection with the plot, spatial and temporal organization of the text, composition or characterization of characters. The subject is the intertexteme in the novel work of V. Pelevin. It is revealed that the primary sources of Pelevin's studies are recognizable, since the postmodernist refers to literary, cultural, musical clichés, archetypes and iconic quotations. Pelevin's text is intertextually heterogeneous and has a wide network of borrowings, which indirectly indicates a focus on a wide range of readers: solving the intertexteme and discovering the original source directly depends on the cultural background of the recipient. The article proves that the presented text passages are precisely intertexts, that is, conscious authorial borrowings, and not random coincidences and intuitive embodiment of the national cultural code. Pelevin uses techniques of editing and syncretism, referring simultaneously to a variety of primary sources, combining high and low, thereby creating a polycythe. Intertext, performing a sense-forming function, not only allows you to give a concise characterization of a character, chronotope or situation, but also acts as a semantic duplicate of the plot and narrative vector. Numerous references determine the development of the author's narrative, giving an additional clue about further events to the reader.

The proposed design of the study and the application of the sociological method to the study of literary text has the potential to further expand and refine our conclusions. The presented results confirm the interest of the readership in the inclusive game, and not only in the Pelevin plot. The designation of the functional nature of Pelevin's intertexts, including the definition of the intertext's relationship with the plot, seems fresh and curious.

Keywords

intertextuality, intertexteme, plot, postmodernism, V. Pelevin, reader's reception

For citation

Tulusheva E. S., Semenova T. A. Pelevin's Intertext in the Mirror of the Reader's Reception. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 66–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-66-77

Интертекстуальные стратегии В. Пелевина широко изучаются современными филологами: уместно вспомнить исследования, направленные как на определение специфики диалога В. Пелевина с литературной традицией [Аюпов, 2021; Герейханова, Шерчалова, 2022], так и на выявление общего для ряда случаев первоисточника, к примеру исследование пушкинского кода в пелевинской прозе [Сидоренко, 1999; Смирнов, 2021; Марьюшкина, 2023]. Однако социологический метод не был ранее применен для анализа вкраплений чужого слова в пелевинской прозе.

Исследуя интертекстуальный код раннего творчества В. Пелевина, Т. Р. Аюпов отмечает широкий функционал: интертекст используется не только с целью дать характеристику персонажей, погрузив его уже в привычную читателю семиотику, но и как инструмент конструирования художественной вселенной, а также «для раскрытия исторического и идеологического фона произведений» [Аюпов, 2021, с. 72]. К. Ф. Герейханова и Е. В. Шерчалова также указывают, что «лоскутное письмо» Пелевина, перенасыщение текста аллюзиями и реминисценциями позволяет привлечь внимание интеллектуального читателя, предложив ему своего рода «языковую викторину» [Герейханова, Шерчалова, 2022, с. 51]. Впрочем, читательская рецепция, способность разгадать «пелевинские загадки» ранее не выступали предметом научного осмысления, что обуславливает научную новизну работы.

Прежде чем переходить к результатам, кратко остановимся на ключевых терминах работы. А. Н. Безруков определяет интертекстуальность как явление в научной парадигме в целом и текстологическую категорию в лингвистике в частности, описывающее «процесс диалогического взаимодействия отдельных текстов-произведений», которые при этом вступают в вертикальные отношения, т. е. один текст влияет на другой [Безруков, 2005, с. 11, 13]. Интертекстом филолог называет такой текст, ключевой особенностью и отличительной чертой которого является смещенность смыслового ядра во времени и пространстве, ориентированного на некий определенный источник.

К приемам интертекста относятся следующие:

- *прямое или скрытое цитирование*: цитата представляет собой приведение дословного или близкого к первоисточнику отрывка. Автор художественного произведения не всегда указывает автора цитаты или использует кавычки, графически выделяя тем самым процитированный отрывок. Цитации разнятся по длине

и могут включать как фразы и словосочетания, так и быть единичными, точечными;

- *аллюзия* – намек или отсылка, выборочное, более вольное, нежели цитата, однако также узнаваемое заимствование. Аллюзия носит имплицитный, более скрытый характер. Аллюзия нацелена на узнавание первоисточника, однако атрибутирование представляется затруднительным;

- совокупность цитат и аллюзий называется *центонный текст* (в терминологии А. Н. Безрукова – *лоскутное письмо*). Такие отрывки чаще всего отличаются затененным атрибутированием [Фатеева, 2007, с. 120–138; Безруков, 2005, с. 11, 44];

- *реминисценция* – указание на структуру, отдельные элементы или мотивы известных произведений. Выделяют следующие стилистические фигуры, на основании которых строятся реминисценции (А. Н. Безруковым называются видами реминисценций): паронимазия (сходство слов по звучанию, каламбур), эллипсис (пропуск языковой единицы, легко восстанавливаемый при знакомстве с первоисточником), амплификация (повтор по принципу градации), гипербола и гротеск (преувеличение), инверсия (иной порядок языковых, смысловых, сюжетных и пр. элементов), а также «перенесение семантической схемы источника в иной контекст» [Безруков, 2005, с. 51].

- *плагиат* – умышленное присвоение авторства и неправомерное заимствование чужого текста с целью выгоды. Также в плагиате на первый план выдвигается интеллектуальное соревнование.

Вопрос плагиата в контексте интертекстуальности строит остро. Представляется крайне затруднительным разграничить цель обращения к чужому слову: осмысление, диалог, продолжение мысли или воровство. Виктор Пелевин неоднократно обвинялся в плагиате. О плагиате высказывался и сам постмодернист – в форме художественного слова: «Повторение – не обязательно плагиат, это суть постмодерна, а если шире – основа современного культурного гештальта, проявляющаяся во всем – от клонирования овец до ремейка старых фильмов» [Пелевин, 2011, с. 218]. Впрочем, определение степени неправомерных заимствований – вопрос не столько терминологический и литературоведческий, сколько юридический и этический, поэтому только обозначим его, не углубляясь.

Отдельно взятый сегмент текста, вовлеченный в межтекстовую связь, называется интертекстемой. Отсылка к литературному, музыкальному произведению, предмету искусства и пр. может быть представлена на всех уровнях текста (грамматическом, композиционном, лексическом, просодическом) [Сидоренко, 1999, с. 23–24].

Итак, перейдем к описанию результатов исследования пелевинских интертекстов в читательской рецепции. Исследование проводилось в период с 15 по 25 августа 2024 г. Были привлечены 55 респондентов. Так как анкетирование проводилось с целью определить, смогут ли респонденты распознать интертекстему, а не выявить их отношение к творчеству Пелевина, знакомство с прозой постмодерниста оказалось для нас вторичным, и мы не уточняли этот вопрос.

Респондентам было предложено ознакомиться с 15 цитатами из романов «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), «Непобедимое солнце» (2020) и «Путешествие в Элевсин» (2023), в каждой из которых содержалась отсылка, и угадать первоисточник интертекстемы. Были задействованы пять групп

первоисточников: религиозный трактат; классическая русская литература (XIX–XX вв.); зарубежная литература, в том числе современная; музыкальные композиции; кинематограф; нехудожественная (научная) литература.

Л. Г. Кихней разграничивает понятия «интертекст», представляющее собой авторскую стратегию – сознательное внедрение реминисценций, отсылок и цитат, и «семиотическая гомология», что исследователь понимает как случайное совпадение, обращение ряда авторов к единому истоку, к общей «мотивно-сюжетной матрице» [Кихней, 2013, с. 47]. Выбранные для анкеты цитаты из романов В. Пелевина представляются нам именно интертекстами, а не случайными совпадениями.

Цитаты в анкете были расположены в случайном порядке, однако сейчас для удобства представим их тематическими блоками, отметив количество отгадываний. Подспудно также представим связь выбранных интертекстом с сюжетной канвой, характером действующего героя или мотивно-идейной парадигмой произведения.

I. Цитаты из романа «Непобедимое солнце» [Пелевин, 2020a].

1. «Ом нама шивая, спасибо, что живая» (с. 68): неслучайно в цитате содержится отсылка к индуистской мантре «Ом намах Шивайя», которая подразумевает преклонение перед Шивой, – путешествие главной героини начинается с обращения к божеству. И выбор именно Шивы сюжетно обоснован, ведь Саша, как и Шива, сначала разрушает, а затем создает материальную реальность.

Более того, такое выражение выступает дополнительной характеристикой героини: в романе неоднократно упоминается ее увлечение духовными практиками, а ранее сюжет повествует о поездке девушки в Индию. Первоисточник указали 8 респондентов, что составило 14,5 %.

Также Пелевин практически дословно цитирует одноименное стихотворение В. Высоцкого 1977 г., меняя только род прилагательного (в оригинале – «спасибо, что живой») – такой ответ дали 15 респондентов (27,3 %).

2. «Мне нравился этот кросс-культурный трансэпохальный разговор под кофе с мороженым. Смешались в кучу кони, люди, слились в протяжный вой» (с. 205): в пелевинском отрывке дословно (с пропуском строки) цитируется «Бородино» (1837) М. Ю. Лермонтова: «Смешались в кучу кони, люди, / И залпы тысячи орудий / Слились в протяжный вой...». Цитату распознали 70,9 % респондентов (т. е. 39 участников). Также название произведения упоминается чуть ранее в тексте («Типа такое Бородино. И стрелам пролетать мешала гора кровавых тел» (с. 204)), что вновь доказывает, что цитата является интертекстом, а не случайным совпадением. Однако респонденты, не знакомые с произведением Пелевина, дополнительных подсказок не получали.

3. «THE BIG OTHER IS LISTENING!» (с. 105): в лозунге Пелевин переосмыляет известное выражение «Старший Брат смотрит на тебя» (в оригинале – англ. «Big brother is watching you») из романа Дж. Оруэлла «1984» (1949). Отметим созвучие субъектов высказывания – «brother» и «other». Половина респондентов (52,7 %) указала на произведение британского писателя. К Оруэллу Пелевин обращается в романе не единожды: так, к примеру, герои обсуждают концепцию «двоемыслия» («...Это то, что Оруэлл называл doublethink? Двоемыслие? / – Нет, Оруэлл давно устарел...» (с. 425)).

«Большим Другим», который слушает и следит, в романе оказывается божество, воплощенное в камне, который находится, как и сама надпись, на корабле, поэтому интертекстема также содержит подсказку и указывает на дальнейшее развитие сюжета.

4. «...Ты его любила? / Я кивнула. Потом пожала плечами. Глупый вопрос. Я бы на него смогла ответить года через два. А еще лучше, если верить французским экспертам, через *три*» (с. 324): в рассуждениях главной героини видим отсылку к роману Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» (1997). Треть респондентов (17 участников) вспомнили творчество французского прозаика. Отметим, что Пелевин не спорит и не соглашается с утверждением, т. е. не вступает в диалог, и интертекстема реализует эстетическую и характерологическую функции.

5. «Мы плаваем среди них, как навигаторы Дюны в облаках спайса, и считаем, что познаем Вселенную» (с. 417): в пелевинской цитате содержатся упоминания планеты Дюна, вещества спайса и членов Космической гильдии навигаторов из франшизы «Дюна» (1965). Упоминание не только названия, но и специфических терминов, позаимствованных из художественной вселенной Ф. Герберта, свидетельствует о знакомстве с первоисточником. Более трети (41,8 %, т. е. 23 респондента) дали верный ответ.

Вопрос познания и знания, понимания природы сущего – сквозной для творчества В. Пелевина, поэтому интертекстема связана более с мотивным комплексом, чем с сюжетом. Гораздо чаще Пелевин прибегает к вселенной другой медиа-франшизы, «Звездных воин», однако такие интертекстеми в анкету не вошли.

6. «В душе было два крана. Над одним – эмалевая ладонь с *синей пилюлей*, над другим – с *красной*» (с. 243): эта цитата отсылает к научно-фантастическому боевику «Матрица», реж. Л. и Э. Вачовски (1999). Большинство респондентов (80 %) дали верный ответ.

Согласно сюжету кинокартины, главный герой выбирает между реальностью и иллюзией. Реальный и ирреальный хронотопы – одна из визитных карточек Пелевина [Мельникова, 2009]. Пелевинская Саша вынуждена выбрать «синюю пилюлю» и остаться в виртуальном мире, в котором возможны чудеса и нарушение привычных законов бытия, однако причина постмодернистски банальна – горячей воды нет.

7. «“Морфология русской освободительной сказки” плюс АУЕ и “Жизнь во-рам”» (с. 256): В. Пелевин вольно обращается с названием труда фольклориста В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» (1928), добавляя новый эпитет. Несмотря на то, что фамилия автора не была указана, правильный ответ дали 16 респондентов, что составило треть опрошенных. Также упоминается криминальная субкультура «Арестантский уклад един» (АУЕ), однако отсылка была распознана только одним респондентом.

II. Цитаты из романа «Путешествие в Элевсин» [Пелевин, 2023].

1. «Не зарекайся, Маркус. Как бы ты не отрелся от меня трижды под пение иудейских петухов» (с. 448): император Порфирий намекает своему собеседнику на сцену отречения апостола Петра от Иисуса Христа, которую можно найти в Евангелии от Матфея (26: 34). Религиозная отсылка была распознана половиной респондентов (27 человек), однако ни один респондент, что предсказуемо, не указал точный стих: среди ответов, признанных нами как корректные, были указания

на Евангелия, Библию, Ветхий и Новый Заветы, а также на сам сюжет с упоминанием действующих лиц.

Аллюзия на религиозный сюжет предвосхищает развитие истории, предсказывая если не предательство, то самоопределение императора, которому эти слова принадлежат¹.

2. «Что есть истина? Рим отвечает просто. Сказано: “*In vino veritas*”. Непонятно, зачем *прокуратор Иудеи задавал этот вопрос какому-то бродячему еврею, забыв родину и обычай в важный для истории момент*» (с. 176): «Прокуратор из Иудеи» и бродячий еврей (т. е. Иешуа Га-Ноцри) у 62 % опрошенных ассоциируются с романом «Мастер и Маргарита» (1966–1967) М. А. Булгакова.

Приведенная цитата взята из размышлений императора о культуре употребления алкогольных напитков, где используется первая часть латинского выражения «*In vino veritas, in aqua sanitas*», что может быть отсылкой как к высказыванию древнеримского писателя Плиния Старшего (такой ответ дали три респондента), так и, по мнению пяти прошедших анкету, к стихотворению А. А. Блока «Незнакомка» (1906). Впрочем, последний вариант представляется нам сомнительным: хотя очевидно знакомство постмодерниста с творчеством поэтов Серебряного века, в романе схожие отсылки и упоминания произведений и фамилий авторов (как мы видим, к примеру, в «iPhuck 10») не были обнаружены.

Отсылка к роману Булгакова, для которого, в свою очередь, первоисточником выступил библейский текст, встроена в публицистический опус императора Порфирия, что вновь отсылает нас к образу мессии и раскрывает сюжетный замысел Пелевина.

3. «Начнется многолетний ледяной привал на пути к небу. Долгая дорога *Родиона Раскольникова* в Сибирь под пение мобилизованных старушек» (с. 417): упоминается главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). Большая часть заполнивших анкету вспомнила произведение русского классика (44 респондента дали такой ответ, что составило 80 % опрошенных). Интертекстема носит эстетический характер.

4. «Там уже стоял хор в греческих масках – и весь день пел греческую кантату про *скованных одной цепью* на спуске в Аид» (с. 181): сквозным образом романа является словно бы сопровождающий во время путешествия героев греческий хор, отсылающий к «Лягушкам Аристофана», что представлено и в выбранной здесь цитате (незначительное количество респондентов распознали отсылку к древнегреческому произведению, а также упомянули мифологию). Также в отрывке приведена неатрибутированная незакавыченная цитата из песни «Скованные одной цепью» («Круговая порука») группы «Nautilus Pompilius» (1986). Отсылку угадала треть респондентов (16 человек).

III. Цитаты из романа «iPhuck 10» [Пелевин, 2019].

1. «Конечно, в моем отчете о реальности будет отсутствовать, так сказать, внутренняя субъективная составляющая – и любое мое описание чувственного мира в строгом юридическом смысле является таким же голым враньем, как рассказ о переживаниях *Пьера Безухова* на Бородинском поле. Но это, что называется, из-

¹ Кратко поясним сюжет: император Порфирий, симуляционный алгоритм, «задумал» привести человечество в рай, т. е. он воспринимает себя как мессию.

держки профессии» (с. 12): Пьера Безухова, персонажа романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1865–1869), вспомнили 76 % опрошенных.

2. «Но что еще надо художнику? И разве велика разница между прежней ее жизнью и новой? Борьба. *Война без особых причин*, как сказал один ранний дезертир... Искусство» (с. 82): в выбранном фрагменте вновь представлена неатрибутированная незакавыченная цитата из песни «Звезда по имени Солнце» группы «Кино» (1989). Половина респондентов (27 человек) упомянула песню, группу или имя Виктора Цоя.

3. «Наш продукт выглядит не слишком-то ново, ребята – *но и жить, конечно, не новей...*» (с. 475): Пелевин вольно обращается не только с творчеством рок-музыкантов. В данный фрагмент встроена цитата из стихотворения С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья» (1925), при этом ни автор, ни название произведения не упоминаются. Связь с творчеством поэта Серебряного века отметили 23 респондента (41,8 %).

IV. Цитата из романа «Тайные виды на гору Фудзи» [Пелевин, 2020б]: «Под поезд на станции она не хотела точно, а ничего лучше национальная культурная память предложить не могла» (с. 157): фрагмент отсылает к гибели Анны Карениной в одноименном романе Л. Н. Толстого (1878). Правильный ответ дали 44 опрошенных, что составило 80 %. Отсылка напрямую связана с сюжетом: героиня, будучи в расстроенных чувствах, находится на жизненном перепутье.

В качестве правильного ответа засчитывалось указание фамилии автора и / или названия произведения. Подведем итоги. Отсылки к классической прозе были распознаны большинством (более 60 %), при этом вставки из лирических произведений менее узнаваемы. Религиозные реминисценции также узнаются в среднем в половине случаев. Известная кинокартина была угадана большей частью прошедших анкету. Указания на современную зарубежную литературу считают от 30 до 50 % респондентов, в то время как музыкальные отсылки – от 29 до 75 %. Упоминание современной молодежной субкультуры было отмечено только одним респондентом.

Результаты исследования любопытны, однако обладают определенными ограничениями. Очевидна неоднородность выборки респондентов: в анкетировании приняли участие респонденты в возрасте от 18 до 25 лет (подавляющее большинство – 72 %) – обучающиеся гуманитарных высших учебных заведений, что объясняет, например, достаточно высокий (30 %) процент угадывания известной в профессиональных кругах работы фольклориста В. Я. Проппа. Также анкету заполнили респонденты в возрасте от 26 до 35 лет и от 36 до 45 лет (по 11 % в каждой группе), от 46 до 55 лет (6 %). Хотя пелевинские интертекстемы выбирались случайным образом с целью составить репрезентативную картину заимствований, всё же заметим, что представлены аллюзии на музыкальные композиции советских рок-групп, написанных примерно в одно время.

На первый план выдвигается фактор узнавания, чувство единения, общность и погружение в единую семиотическую картину, а возможность точно определить первоисточник представляется сомнительной [Безруков, 2005, с. 7]. Пелевин репрезентирует в своем художественном тексте музыкальные, литературные клише, воспроизводя отрывки, знакомые широкому кругу читателей. Так, например, группа «Кино» вспоминается по композиции «Звезда по имени Солнце», а образ

красной и синей пиллель давно стал самостоятельным культурным знаком, оторванным от фильма «Матрица».

Об этом пишет и В. Пелевин в романе «Empire V»: «Развитой постмодернизм – это такой этап в эволюции постмодерна, когда он перестает опираться на предшествующие культурные формации и развивается исключительно на своей собственной основе. <...> Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея – всё это забыто. Наступила эпоха цитат из телепередач и фильмов, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности» (курсив наш. – Е. Т., Т. С.) [Пелевин, 2021, с. 81].

Это подтверждается также нашим исследованием. Некоторые респонденты указывали, что отсылка кажется им знакомой, но они не могут вспомнить первоисточник, – такими отказались отсылки к роману Ф. Бегбедера, музыкальным композициям, кинофильму «Матрица». Такие смысловые единицы генетически близки «мему» – знаку, наделенному смыслом и конкретным содержанием, который воспринимается группой людей схожим образом. Мем, будучи частью более широкого дискурса, самостоятелен вне его связи с первоисточником [Голованова, Часовский, 2015, с. 136–138].

В. Р. Губайдулина, изучая творчество В. Пелевина, отмечает широкое обращение, в том числе и на номинативном уровне, к интертексту, которое читателю предстоит расшифровать. Исследователь выдвигает предположение, что такой прием вовлекает читателя в игру (в ее терминологии – «путевая карта»), что позволяет глубже погрузиться в историю, повышает вовлеченность и, как итог, обеспечивает популярность произведений Пелевина [Губайдулина, 2021, с. 1–63].

Пелевинская интертекстема может базироваться одновременно на нескольких равнозначных, но зачастую тематически разных первоисточниках, порождая тем самым полицитату [Кихней, Темиршина, 2020], или палимпсест [Тюпа, 2024]. И хотя В. И. Тюпа принципиально разграничивает постмодернистский пародийный коллаж и лоскутное повествование, направленные на деконструкцию и хаос, и палимпсест, призванный углубить «возникающие смысловые комплексы» [Там же, 2024, с. 6], мы всё же склоняемся к выводу, что и пелевинские интертекстемы служат, в том числе, для углубления смысла и характеристики персонажей, пространства, идей и мотивного комплекса. Также многочисленные отсылки выступают в качестве направляющих сюжета, вторя ему и давая дополнительную подсказку о том, как будет развиваться история в дальнейшем.

Список литературы

Аюпов Т. Р. Специфика интертекстуальных связей в раннем творчестве В. О. Пелевина (на материале романов «Омон Ра» и «Чапаев и Пустота») // *Art Logos*. 2021. № 1 (14). С. 63–72.

Безруков А. Н. Поэтика интертекстуальности: Учеб. пособие. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. 70 с.

Герейханова К. Ф., Шерчалова Е. В. Межвременной диалог в творчестве В. Пелевина // *Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2022. № 4 (307). С. 45–51.

Голованова Е. И., Часовский Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2015. Вып. 94, № 5 (360). С. 136–138.

Губайдулина В. Р. Автор и читатель в художественном тексте В. О. Пелевина // Научный лидер. 2021. № 24. С. 61–63.

Кихней Л. Г. К механизму образования интертекстуальных мотивов: мотивный комплекс «волчьей травли» в русской поэзии XX века // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия: Филология. 2013. № 1. С. 46–58.

Кихней Л. Г., Темиришина О. Р. «Каменная» парадигма «Грифельной оды» О. Мандельштама: к механизмам смысловой деривации // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 64. С. 167–195.

Марьюшкина А. П. «Пушкинский код» в романной прозе В. Пелевина // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. / Под ред. Т. В. Мальцевой. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 67–72.

Мельникова А. Ю. Виртуальное пространство и время в постмодернистском тексте (В. Пелевин «Священная книга оборотня») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 123–125.

Пелевин В. О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2019. 480 с.

Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо-Пресс, 2011. 384 с.

Пелевин В. О. Непобедимое солнце. М.: Эксмо, 2020а. 704 с.

Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2020б. 416 с.

Пелевин В. О. Empire V. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 416 с.

Пелевин В. О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2023. 480 с.

Сидоренко К. П. Интертекстовые связи Пушкинского слова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 253 с.

Смирнов А. С. «Пушкинский («Татьянин») текст» в романе В. О. Пелевина «Числа» // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: Коллективная монография. Гродно: ЮрСаПринт, 2021. С. 284–294.

Тюпа В. И. Палимпсестное сюжетосложение и лирика // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 2. С. 5–10.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. 3-е изд. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

References

Ayupov T. R. Spetsifika intertekstual'nykh svyazei v rannem tvorchestve V. O. Pelevina (na materiale romanov "Omon Ra" i "Chapaev i Pustota") [The specifics of intertextual connections in V. O. Pelevin's early work (based on the novels "Omon Ra" and "Chapaev and the Void")]. *Art Logos*, 2021, no. 1 (14), pp. 63–72. (in Russ.)

Bezrukov A. N. Poetika intertekstual'nosti [The poetics of intertextuality]. A textbook]. Birk, BSSPA Press, 2005, 70 p. (in Russ.)

Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti [Intertext in the world of texts: the counterpoint of intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 280 p. (in Russ.)

Gereikhanova K. F., Sherchalova E. V. Mezhvremennoi dialog v tvorchestve V. Pelevina [Intertemporal dialogue in the works of V. Pelevin]. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 2022, no. 4 (307), pp. 45–51. (in Russ.)

Golovanova E. I., Chasovsky N. V. Internet-mem kak element vizualizatsii v SMI [Internet meme as a visualization element in the media]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2015, iss. 94, no. 5 (360), pp. 136–138. (in Russ.)

Gubaidulina V. R. Avtor i chitalatel' v khudozhestvennom tekste V. O. Pelevina [The author and the reader in the literary text of V. O. Pelevin]. *Scientific Leader*, 2021, no. 24, pp. 61–63. (in Russ.)

Kikhnei L. G. K mekhanizmu obrazovaniya intertekstual'nykh motivov: motivnyi kompleks "volch'ei travli" v russkoi poezii XX veka [On the mechanism of intertextual motifs formation: the motif complex of "wolf baiting" in Russian poetry of the 20th century]. *Bulletin of Tver State University. Philology Series*, 2013, no. 1, pp. 46–58. (in Russ.)

Kikhnei L. G., Temirshina O. R. "Kamennaya" paradigma "Grifel'noi ody" O. Mandelshtama: k mekhanizamam smyslovoi derivatsii [The "stone" paradigm of O. Mandelstam's "Slate Ode": on the mechanisms of semantic derivation]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2020, no. 64, pp. 167–195. (in Russ.)

Maryushkina A. P. "Pushkinskii kod" v romanoi proze V. Pelevina ["Pushkin's Code" in V. Pelevin's novelistic prose]. In: Maltseva T. V. (ed.). *Pushkinskie chteniya – 2023. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin readings – 2023. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Materials of the XXVIII International Scientific Conference. St. Petersburg, A. S. Pushkin LSU Press, 2023, pp. 67–72. (in Russ.)

Melnikova A. Yu. Virtual'noe prostranstvo i vremya v postmodernistskom tekste (V. Pelevin "Svyashchennaya kniga oborotnya") [Virtual space and time in a post-modern text (V. Pelevin "The Sacred Book of the Werewolf")]. *Bulletin of N. A. Nekrasov KSU*, 2009, no. 3, pp. 123–125. (in Russ.)

Pelevin V. O. Nepobedimoe solntse [Invincible sun]. Moscow, Eksmo, 2020, 704 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Puteshestvie v Elevsin [Journey to Eleusis]. Moscow, Eksmo, 2023, 480 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Tainye vidy na goru Fudzi [Secret views of Mount Fuji]. Moscow, Eksmo, 2020, 416 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Svyashchennaya kniga oborotnya [The Sacred Book of the Werewolf]. Moscow, Eksmo-Press, 2011, 384 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Empire V. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021, 416 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. iPhuck 10. Moscow, Eksmo, 2019, 480 p. (in Russ.)

Sidorenko K. P. Intertekstovye svyazi Pushkinskogo slova [Intertextual connections of the Pushkin word]. St. Petersburg, A. I. Herzen RGSPU Press, 1999. 253 p. (in Russ.)

Smirnov A. C. "Pushkinskii ("Tat'yarin") tekst" v romane V. O. Pelevina "Chisla" ["Pushkin's ("Tatiana's") text" in V. O. Pelevin's novel "Numbers"]. In: Norm and deviation in literature, language and culture: A collective monograph. Grodno, YurSa-Print, 2021, pp. 284–294. (in Russ.)

Тулушева Е. С., Семенова Т. А. Пелевинский интертекст

Тура V. I. Palimpsestnoe syuzhetoslozhenie i lirika [Palimpsest plot structure and lyrics]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024. no. 2, pp. 5–10. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Сергеевна Тулушева, кандидат филологических наук, доцент, докторант
Татьяна Александровна Семенова, старший преподаватель, аспирант

Information about the Authors

Elena S. Tylysheva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Doctoral Student
Tatyana A. Semenova, Senior Lecturer, Graduate Student

*Статья поступила в редакцию 12.08.2024;
одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 19.08.2024
The article was submitted on 12.08.2024;
approved after reviewing on 19.08.2024; accepted for publication on 19.08.2024*